

Фарит Закизянович ЯХИН – доктор филологических наук, профессор, в.н.с. отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства Академии наук Татарстана
Республика Татарстан, г. Казань; e-mail: yafaz@mail.ru

УДК 82.091

Для цитирования: Яхин Ф.З. Творчество Махтумкули в контексте татарской историко-культурной мысли // Общество и государство. – 2024. – № 2 (46). – С.23-26. – DOI: 10.24412/2224-9125-2024-2-23-26.

ТВОРЧЕСТВО МАХТУМКУЛИ В КОНТЕКСТЕ ТАТАРСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ МЫСЛИ

АННОТАЦИЯ

Творческое наследие Махтумкули, известного под псевдонимом Фраги (в татарском прочтении Фираки), оказало значительное влияние на татарских поэтов-символистов начала XX века, среди которых выделяется Дэрдменд. Данная статья посвящена изучению интереса татарского народа к поэзии туркменских авторов, произведения которых переиздавались в типографиях Казани, Астрахани и Оренбурга. Стиль изложения и тематика этих произведений привлекали внимание татар и способствовали формированию новых направлений в татарской поэзии.

Ключевые слова: творческое наследие Махтумкули, псевдоним Фираки, Фраги, поэты-модернисты, татарские поэты-символисты, литературные влияния, журнал «Шуро».

Farit Zakizyanovich YAKHIN – Doctor of Philology, Professor, V.N.S. of the Department of Literary Studies of the Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of Tatarstan
Republic of Tatarstan, Kazan; e-mail: yafaz@mail.ru

MAKHTUMKULI'S WORK IN THE CONTEXT OF TATAR HISTORICAL AND CULTURAL THOUGHT

ANNOTATION

The creative legacy of Makhtumkuli, known under the pseudonym Fragi (in the Tatar interpretation of Firaki), had a significant influence on the Tatar symbolist poets of the early twentieth century, among whom Deardmend stands out. This article is devoted to the study of the Tatar people's interest in the poetry of Turkmen authors, whose works were republished in the printing houses of Kazan, Astrakhan and Orenburg. The style of presentation and the subject matter of these works attracted the attention of the Tatars and contributed to the formation of new trends in Tatar poetry.

Keywords: Makhtumkuli's creative legacy, pseudonym Firaki, Fragi, modernist poets, Tatar symbolist poets, literary influences, Shuro magazine.

Поэта Махтумкули (1724-1807) татары знали как Фираки (у туркмен известен как Фраги). Переосмысление его творческого наследия в татарской поэзии началось в начале XX века и отличалось от отношения к творческому наследию Алишера Навои (1441-1501) и Физули (около 1494-1556). Ранее Махтумкули не имел такой популярности среди татар, как, например, Гаттар (1145-1230), Руми (1207-1273) или Саади (1219-1292), чьи произведения активно переводились и издавались. Под влиянием их образов и художественного видения мира возникали новые произведения, такие как у Амдами (XVII-XVIII вв.), Маулакули (XVII-XVIII вв.) и Ибатуллы Салихова (1794-1867).

Махтумкули стал одним из любимых поэтов

татарских символистов начала XX века. До него из туркменских поэтов в народе читали произведения Нурмухамеда-Гариба Андалиба (1710-1770 или 1780), чьи произведения отличались простотой и доступностью языка. Его поэмы по жанру были дастанного направления, написаны в смешанной форме прозы и стиха. Литературный стиль Андалиба вдохновил молодого татарского поэта Ахмата Уразаева-Курмаши (1855-1883). Он создал две киссы, следуя образцу произведений туркменского поэта, но усложнив их форму вставками песенных текстов из народного творчества, которые иногда занимали несколько страниц.

Книги Гариба Андалиба часто печатались в Казани в XIX веке, что свидетельствует о его широкой

популярности среди татар того времени. Стиль Андалиба и его литературно-художественное своеобразие, проявляющиеся в реалистичных поэтических картинах и описаниях событий, нашли более утонченное выражение в начале творчества Махтумкули. Его поэтические образы и портреты, несмотря на кажущуюся простоту, отличаются яркой образностью и насыщены восточной символикой и глубокими смыслами. В некоторых стихотворениях Махтумкули предстает как суфий, обладающий мистическим осознанием неизбежности, в других – как джигит, ищущий счастья, а в третьих – как восточный мудрец, с глубоким пониманием жизни, смирившийся с судьбой. Все эти образы присутствуют в его творчестве, где всегда ощущается спокойствие и собранность самого поэта с чистой душой.

Махтумкули писал так же, как и его литературные соратники: с ясностью стиля, глубиной поэтической мысли и красотой образов и символов, которые продолжают волновать современных читателей. Его поэтический дар, подобно дару татарского поэта Дэрдменда (1859-1921), проявляется в умении передавать ощущения неизбежности грядущего.

Творческое наследие Махтумкули до сих пор недостаточно изучено. В 1921 году 55-летний имам Габдеррахман Ниязи в Астрахани издал сборник «Махтумкули. Диван» [11, с. 202], который положил начало выпуску серии «Литературная библиотека» [4]. В сборник вошли 46 избранных стихотворений. В библиотеке Российской Академии наук он хранится под номером – К II 404.

В творчестве Махтумкули можно найти стихотворения, отражающие поэтические идеалы Навои и Физули, а также созвучные с татарской поэзией, особенно с произведениями из средневековой татарской поэтической антологии «Бакырган китабы» («Книга громкого зикра») [1]. Суфийская ритмика джагридов часто встречается в строфике Махтумкули, где доминируют чувства высокой моральной чистоты и любви. Иногда земная красавица в его поэтических видениях напоминает райских дев. Махтумкули безгранично влюблен и предан в своих чувствах избранному образу, но, как и присуще суфию, всегда печален, считая себя недостойным руки избранницы, которая может быть как реальной, так и воображаемой. Он не всегда остается в рамках философско-религиозного мировоззрения, как и многие татарские поэты-суфии. Такой литературный опыт способствовал более тонкому пониманию окружающей действительности, подобно тому, как это было у татарского поэта Г.Кандали (1797-1860). Лирические обобщения, характерные для суфийской художественно-мистической мысли, позволяли поэтам ощущать себя личностями, общающимися с Всевышним и воспринимающими желания Вселенной.

Махтумкули остро ощущал свою отдаленность не только от родного племени, но и от товарищей, друзей и соратников по перу. В поисках самовыражения он избирает себе тахаллус (псевдоним) Фраги, (в татарском варианте – Фираки), что отражает глубокие душевные переживания. Сначала судьба отлучила его от любимой женщины: из-за бедности не смог

заплатить калым и был вынужден создать семью с нелюбимой девушкой. Он не мог не жениться, ибо требования шариата к зрелому мужчине строги, в обществе звучало направленное в его адрес осуждение. Поэт чувствовал себя несчастным, что привело к возникновению чувства отчуждения и появлению тахаллуса Фраги. Если у Навои псевдоним означал «Певучий соловей», у Андалиба – «Солнце», то Фраги (Фираки) символизирует «Отлученного».

Он не стал суфийским романтиком, как татарские поэты XVII и XVIII веков, такие, как Мавлакули, или же как военный ахунд и поэт Габдуссалам. Махтумкули в поэтическом мышлении и в понимании жизненных ситуаций руководствовался важными знаками и значениями. Он не только отдалился от суфийского романтизма, но все больше и больше отчуждался от суфийского видения мира. Реалии жизни и образы, рожденные в чувствах и в поэтических представлениях, руководили его творчеством. В этом смысле он далек от Руми и Гаттара, близок к Навои, и к Физули. Реалии жизни Физули, как и Навои, умело переносит в романтический поэтический мир, в котором всегда присутствует доброта, а печаль играет роль лейтмотива, углубляющего поэтичность строки. У Махтумкули те же самые душевные и духовные переживания, печаль, поэтическая грусть. Такая поэтизация реальной действительности привлекла татарских поэтов-символистов к его творческому наследию.

С 1906 по 1918 годы в Оренбурге выходила газета «Вақыт» («Время»), а с 1908 по 1918 годы – журнал «Шуро» («Совет»). Эти издания стали передовыми татарскими органами печати, где публиковались произведения поэтов и писателей модернистских направлений. Издателем был поэт и золотопромышленник Дэрдменд. В рамках этих периодических изданий выходили научные, публицистические и поэтические приложения. В одном из таких приложений был поэтический сборник символистов, среди авторов которого – Вакиф Джалал, Сабир Габдулманов, Джамал Валиди, Имам Ахмад, Аллаяр Балашов, Абдулмаджид Губайдуллин, Ахмедшах Султанов. Стихотворения, опубликованные под псевдонимами Гариби и Фираки, привлекают своей поэтической тонкостью и легкостью строфики, глубиной мысли и предвидения. Произведения, написанные под псевдонимом Гариби, перекликаются со стихотворениями Дэрдменда и содержат поэтическую дискуссию с его строками. В стихотворениях Фираки затрагиваются темы Хивы, похорон молодой девушки, и семейных конфликтов, где жена упрекает поэта за жизнь с нелюбимой женщиной, делая ее несчастной.

Журнал «Шуро» на своих страницах часто публиковал стихи классиков Востока, включая произведения Фираки. Первое из них, под названием «Шикаять» («Жалоба») [5, с.285.], появилось в 1908 году в девятом номере (1 мая). В этом стихотворении лирический герой жалуется на свое душевное состояние, из-за которого он стал поэтом, а вот черные горы в его сердце вызывают у него стыд. Он провел жизнь в надеждах, и об этом однажды разговорился со своей гузэлем-красавицей, после чего они оба

расплакались, осознав разрушение своего внутреннего мира, predetermined судьбой. Стихотворение написано на волне восточных мистических представлений и созвучно поэтическим видениям символистов. Оно оставляет впечатление переработки классической восточной поэзии, а именно с Фираки, сохраняя первоначальное авторство — это можно расценить как благородство татарского поэта-символиста. Оценка этого произведения как модернизации первоначального текста повышает его культурно-историческую ценность. Созвучность с современностью делает произведение любого автора бессмертным.

Второе стихотворение Фираки было опубликовано в июньском номере того же журнала «Шуро» и называется оно «Бәнем гүзәлем» («Моя красавица») [6, с. 281]. Это произведение посвящено стойкости женщины, которая никогда не раскрывала своих тайн и не угасала душевного огня лирического героя. Все мужчины влюблены в нее; такая красавица — редкость в мире. Ее слова воодушевляют, а черты лица словно отражают знаки рая. Она есть тайное письмо, которое не разгадать, а сама с одного взгляда поймет, кто перед ней, назовет другом и сделает счастливым, и чувства к ней невозможно скрыть. В отличие от первого стихотворения, это произведение кажется более описательным и лишено символического шарма, художественно-мистического и философского колорита.

После этого стихотворения имя Фираки больше не встречается на страницах журнала «Шуро» до 1917 года, однако радует, что оно присутствует в поэтических сборниках-приложениях к данному журналу.

В 1917 году в номерах 10, 13, 15 и 18 были опубликованы по одному стихотворению Фираки. Первое из них, названное «Зар-моң» («Жалоба-переживание») [7, с.230], о войне, которая по своим бедствиям, как оценивает автор, намного страшнее войн Чингиз хана и Хулагу хана, завоевателей Средней и Малой Азии. Поэт упоминает о разрушениях, причиненных войной народам трех континентов, что позволяет предположить, что произведение создано по мотивам классической восточной поэзии, где часто осуждались жестокие войны.

Второе стихотворение дано без названия, но автором указан Фираки [8, с.147]. Это некролог, в котором упоминается Галия, только что похороненная девушка из города Хива, вечным местом покая которой стала степь в черных камнях. Для лирического героя, как утверждается в стихотворении, она не односельчанка, даже никто, но он в горе и в слезах. Причиной тому — переживания самого героя. Он знал ее как своеобразного человека с чистой душой.

Третье стихотворение названо «Әдйаны хадира» («Современные религии») [9, с.355]. В нем автор размышляет о религиях, каждая из которых выбрала свой объект поклонения: народ Мусы — теленка, народы Христа — изображение, а другие — каменный кубический дом. На последних он не указывает конкретно, но читатель понимает, что речь здесь о мусульманах. Далее поэтическим и философским языком излагаются основы веры: путь к Всевышнему никому не известен, а дворцы, мечети и

церкви — лишь места публичного поклонения. Есть или нет, если есть, то какой он — Всевышний — ни у кого нет здравого объяснения, его природа остается предметом фантазий. Таким образом, Фираки мыслит на высоком философско-поэтическом уровне, раскрывая суть верования и не оставляя места для споров.

Четвертое стихотворение состоит из трех куплетов без названия и посвящено татарскому миру времен революций [10, с. 426]. Произведение начинается с описания состояния души лирического героя: он испытывает тяжесть на сердце, но ожидание грядущих свобод открывает ему небеса. Его угнетают происходящие ежечасно сотни революций — до цели еще далеко, и ошибки совершаются многократно. Волны, огромные, как горы, опрокидывают корабль.

Далее поэт описывает татарский мир, который ищет спасения, а в этом стремлении слепы как мужчины, так и девушки. Наступает тьма, лишь вдали видны проблески надежды. В такой ситуации лирический герой ощущает себя одиноким, ему остается одно — молить небеса о спасении. Он обращается к своему народу с той же просьбой — открыть всем путь к желаемому. Его единственная мечта — увидеть свой народ счастливым; тогда он сможет уйти в темную могилу без сожалений.

Фираки предстает перед нами как мудрый поэт-мыслитель с богатым жизненным опытом и сильной волей. Остается разгадать тайну того, кто скрывается за псевдонимом Фираки. Особенно учитывая, что в его стихах речь идет о революциях (инкыйлап) и стремлении вывести свой народ из темной пучины войны, в которой участвуют народы трех континентов. Может ли это быть Махтумкули? Тем более что Фираки пишет о татарском мире.

Анализ стихов, написанных под псевдонимом Фираки, не позволяет однозначно определить их автора. Тексты содержат отсылки к жизни Махтумкули: упоминания о Хиве, старости, вере, Хулагу хане, чингизиде, завоевателе Малой Азии (а не о Бату хане, завоевателе Восточной Европы). Что связывает автора с Азией? Эти детали значительно усложняют задачу атрибутирования.

Есть и другие стихотворения, напечатанные под псевдонимом Фираки, опубликованные в приложении к журналу «Шуро» в 1910 году. Они также напоминают реалии из жизни Махтумкули. В них лирический герой горюет из-за оков семейной жизни и отсутствия любви между супругами [2, с.34].

Так как невозможно разгадать тайну псевдонима Фираки средствами литературоведческого анализа, мы приходим к выводу, на котором настаивали и раньше, что в этих стихотворениях мы встречаемся с приемами поэтического перефразирования, то есть модернизацией классических текстов. Считаем, поэт-символист, желая указать, что в создании текста участвовали классик и современник, выбирает для себя псевдонимом тахаллус основного автора. Данный прием использовался и в татарской литературе прошлого. Например, «Насихат-наме» («Книга нравочений») Амдами, созданная в 1703 году на основе перевода «Панд-наме» («Книга наставлений»)

Гатгара, и также написана от имени Гатгара на татарском языке, но с указанием собственного участия. И поэт-реалист Г.Тукай (1886-1913) часто прибегал к данному приему, оставляя за собой авторство.

Татарские поэты-символисты, во главе с Дәрдмендом, отличались тем, что переносили стихотворения великих классиков, перенося их в контекст современности и пропуская через свое поэтическое видение.

В завершение своего труда приходим к выводу, что степень участия Махтумкули в татарской историко-культурной мысли наглядно доказана фактами, приведенными в данной статье. Для того, чтобы считать изложенный вывод бесспорным, в доказательство своей правоты, мы должны привести высказывание по этому поводу критика и литературоведа той эпохи Габдрахмана Саади (1889-1956): «Дәрдемәнд татар лирикасында үзенә аерым бер мәктәп, аерым бер агым тудырды. Аның шәкертләре, иярченнәре дә булды. Фиракый һәм беренче адымнарında Кәрим Әмири, тагын башкалар шул мәктәпкә мәнсүп иделәр» («Дәрдемәнд породил в татарской лирике свою отдельную школу, отдельное течение. У него были свои ученики, последователи. Фираки и в первых шагах Карим Амири, и еще другие принадлежали к данной школе») [3, с.235].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Бакырған китабы*. — Казан : Татар. кит. нәшр., 2000. — 240 б.
2. *Басылмаган шигырьләр мәҗмугасы*. — Орунбург : «Вақыт» идарәсе, 1910. — 72 б.

3. *Сәғәди, Г. Татар әдәбияты тарихы. Дәреслек-кулланма*. — Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. — 300 б.

4. *Мәхтүмкөлий. Диван*. — Әстерхан, 1912. — 48 б.

5. *Шуро*. — 1908. — № 9. — 296 б.

6. *Шуро*. — 1908. — № 12. — 392 б.

7. *Шуро*. — 1917. — № 10. — 240 б.

8. *Шуро*. — 1917. — № 13. — 312 б.

9. *Шуро*. — 1917. — № 15. — 360 б.

10. *Шуро*. — 1917. — № 18. — 432 б.

11. *Янбаева, Я.С. Каталог старотатарских книг в Российской Академии наук (1802-1931)*. — Иерусалим, 2010. — 284 с.

SPISOK LITERATURY:

1. *Baky'rgan kitabı*'. — Kazan : Tatar. kit. nashr., 2000. — 240 b.

2. *Basy'lmagan shıgy'r'lar mäj'mugasy*'. — Orunburg : «Vaky't» idaräse, 1910. — 72 b.

3. *Säg`di, G. Tatar әdәbiyatı' tarixı*'. *Däreslek-kullanma*. — Kazan: Tatarstan дәүләт нәшрияты' basması', 1926. — 300 b.

4. *Mäx'tümkölyj. Divan*. — Ästerhan, 1912. — 48 b.

5. *Shuro*. — 1908. — № 9. — 296 b.

6. *Shuro*. — 1908. — № 12. — 392 b.

7. *Shuro*. — 1917. — № 10. — 240 b.

8. *Shuro*. — 1917. — № 13. — 312 b.

9. *Shuro*. — 1917. — № 15. — 360 b.

10. *Shuro*. — 1917. — № 18. — 432 b.

11. *Yanbaeva, Ya.S. Katalog starotatarskix knig v Rossijskoj Akademii nauk (1802-1931)*. — Ierusalim, 2010. — 284 s.

